
СМЕРТЬ КОМСОМОЛКИ

*Открытое письмо
молодому современнику*

Te, кто не помнит прошлого,
осуждены пережить его вновь.

Сантаяна

Дорогой молодой товарищ! Я хочу рассказать тебе еще одну героическую историю времени Великой Отечественной войны. Это история девушки, твоей ровесницы, которая была ранена и умерла на руках своих подруг, сказав им: «Для меня счастье умереть за Родину».

Быть может, иные из твоих друзей усмехнутся, прочитав эти слова. Дескать, ну вот, еще одна история беззаботного героя с привычной ура-патриотической концовкой.

Предвидя такие усмешки, я не поспешу обвинить этих ребят в черством скепсисе, в неизлечимом цинизме. Не стану и повторять упреков, которые приходится им слышать от людей моего возраста: дескать, молодые люди теперь ни во что не верят, они слишком избалованы жизнью, ибо видели мало трудностей, пришли на все готовое и т. д. И мы в юном возрасте слышали такие же упреки старших. Формула «нынче не та молодежь пошла» так же вечна на земле, как молодость и старость. С годами, к сожалению, окостеневают не только стенки кровеносных сосудов, но и представления, невольно притупляется чувство нового, и мы, пожилые люди, порой забываем, что иное время формирует иную молодежь. А что касается нашего времени, то ведь совсем недавно мы сами произвели переоценку некоторых ценностей, и это не могло не сказаться на психологии нынешнего молодого человека. Но тут надо помнить и другое — эта переоценка ка-

салась вещей пусть очень важных, но в конечном счете второстепенных, а главные, основные ценности нашей жизни остались по-прежнему нерушимыми и дорогими для нас и для вас. Наверно, в этом и заключается суть преемственности поколений, а не в том, чтобы младшим копировать в мелочах старших. И я не сомневаюсь, что нынешняя молодежь, если придет пора тяжелых испытаний, так же выполнит свой долг перед Родиной и народом, как выполнило его поколение Великой Отечественной войны.

Что же касается скептических усмешек, то ведь они, я убежден, ставят под сомнение отнюдь не жизнь и подвиг героя, а сам рассказ об этом подвиге. Слишком уж часто мы, журналисты и литераторы, грешили и грешим еще, сочиняя этаких «лихачей-кудрявичей» в солдатских шинелях, которые «под свинцовым ливнем» или «среди ураганного огня» бесстрашно бегут в атаки с криками «За Родину!», закрывают своей грудью амбразуры дотов, обвешанные гранатами, кидаются под гусеницы вражеских танков и, окруженные, косят десятками врагов, оставляя последнюю пулю для себя.

А между тем все так и было на самом деле. И пулю последнюю пускали в себя, и бросались под гусеницы танков и на амбразуры дотов, и сквозь бешеный огонь бежали в атаки, крича «За Родину!» и даже «За Сталина!», о чем мы теперь как бы стесняемся вспоминать. Все так и происходило, но только не были эти люди теми «лихачами-кудрявичами», какими мы нередко изображали и изображаем их в наших рассказах и очерках.

Как часто оказываемся мы неспособными преодолеть внешнюю однотипность серых шинелей и гимнастерок! Как часто забываем, что героизм — равнодействующая многих сложных противоборствующих сил в душе человека, что подвиг — не просто арифметическая сумма неких биографических данных и положительных качеств характера человека, а уравнение со многими неизвестными и с бесчисленным разнообразием путей его решения. Ведь в жизни, прежде чем совершить подвиг, порой приходится внутренне прорываться сквозь не менее страшный огонь своих сомнений и колебаний, мысленно закрывать преграждающие тебе путь баррикады твоих человеческих слабостей и,

как вражеского агента, разоблачать доводы собственного малодушия, к тому же ловко принарядившегося в солидную одежду благоразумия.

Нет, молодой друг, я не собираюсь вести речь о пла-
катной героине, я хочу рассказать тебе историю жизни, короткой, но нелегкой, в которой отразились все сложности недавней великой и трудной эпохи, историю характера цельного, чистого и светлого, который, пройдя через тяжкие испытания, не сломался и не покрылся пятнами душевной ржавчины, а, наоборот, засиял еще чище и ярче.

*

Об этой девушке впервые узнал от человека, тоже необыкновенного, — от бывшей новгородской учительницы, а теперь жительницы города Львова, Александры Ивановны Анисимовой. В последние годы войны старший лейтенант Анисимова командовала артиллериейской противотанковой батареей, на счету которой несколько десятков вражеских танков, уничтоженных в боях на земле Польши и Германии. На своем личном опыте эта женщина хорошо знает, что чувствует артиллерист, притаившийся около своего замаскированного орудия, выдвинутого на прямую наводку в боевых порядках пехоты, когда прямо на него, стреляя из пушки, стучи пулеметом, патужно ревя мотором и лязгая железом, пакатывается многотонная стальная машина на гусеницах, и надо, собрав свои нервы в кулак, пересилив дрожь нетерпения и страха, подпустить ее как можно ближе и поразить метким выстрелом в упор. Она знает, что испытывает человек, который, скорчясь и скосив глаза наверх, вжался в стенку узенькой земляной щели, в то время как в каком-нибудь полуметре над его головой, словно огромные зубы, клацают стальные траки немецкого «тигра», который вертится над этим окопчиком, стараясь превратить его в утрамбованную могилу. Много раз Александра Ивановна была ранена и контужена, на время потеряла зрение и в конце концов после войны из-за этого вынуждена была бросить любимую учительскую работу.

Как-то несколько лет назад мне довелось познакомиться и коротко побеседовать с ней во время недолгой поездки во Львов. К сожалению, Александра Ива-

новна, одолеваемая болезнями, до сих пор так и не могла выполнить своего обещания — написать и прислать воспоминания о своей фронтовой жизни. Но она все-таки выбрала время, чтобы сообщить мне в подробном письме о подвиге своей подруги по войне — медико-санитарной сестры Тани Раннефт. Позднее я пересказал содержание этого письма в одной из своих передач по телевидению, а потом встретился с матерью Тани — Ольгой Николаевной Грешищевой, которая уже много лет живет в доме инвалидов подмосковного города Клина.

*

Это произошло в сентябре 1941 года, еще задолго до того, как Александра Анисимова стала артиллеристом. Она была тогда политруком роты 318-го медико-санитарного батальона 281-й стрелковой дивизии, которая в те дни держала оборону на знаменитом Ораниенбаумском «пятачке» Ленинградского фронта, в тяжелых боях отбивая попытки немцев прорваться к городу Ленина.

Было трудное время. Петля вражеской блокады уже схватывала город, и зловещая судьба, нависшая над Ленинградом, порой казалась неотвратимой. Напрягая все силы, войска фронта сдерживали натиск противника у самых городских окраин. А за линией фронта, в тылу гитлеровцев, в лесах и болотах, еще сражались в окружении или пробирались к своим, на восток, остатки армейских частей и ленинградских дивизий народного ополчения, разбитых в недавних боях на подступах к городу. Время от времени через фронт то прорывались с боем, то тайком пробирались отряды и группы измученных, изголодавшихся бойцов и командиров, долго скитавшихся по вражеским тылам и едва избежавших уничтожения или фашистского плена. Они проходили обязательную в то время проверку в особых отделах и потом снова направлялись в действующие части.

Такая небольшая группа перешла линию фронта на участке 281-й стрелковой дивизии в первых числах сентября. Вернее будет сказать, что линия фронта перешла через нее. В те дни один из полков дивизии, стараясь улучшить свои оборонительные позиции, неожи-

данио атаковал противника и потеснил его на своем участке. И тогда на освобожденной полком территории оказалась эта группа. После многодневных скитаний по тылам окруженыцы притаились в кустах вблизи переднего края немцев, выжидая ночи, чтобы перейти фронт, и внезапная атака нашей пехоты выручила их.

В группе было с десяток бойцов, девушка-медсестра и два тяжело раненных командира, которых все это время красноармейцы несли на руках. Большинство людей служило в одной из дивизий народного ополчения, разбитой в недавних боях, а остальные примкнули к группе уже в пути. Все они благополучно прошли проверку в особом отделе, и только девушка возбудила там сомнения.

Медсестру звали Таня Раннефт. Уже сама ее фамилия, явно немецкая, заставила насторожиться уполномоченного особого отдела. У девушки оказался с собой только один документ — справка, выданная Верховным судом СССР еще в 1940 году. В этой справке значилось, что гражданка Татьяна Ильинична Раннефт освобождена из места заключения со снятием судимости и что дело ее прекращено за отсутствием состава преступления. И хотя содержание справки говорило о какой-то судебной несправедливости и о последующем полном восстановлении в гражданских правах, тем не менее уже тот факт, что эта девушка отбывала за что-то наказание, представлялся уполномоченному подозрительным. Девушка сообщила, что она студентка третьего курса биологического факультета Ленинградского государственного университета, окончила курсы медсестер и добровольно вступила в дивизию народного ополчения, которая потом потерпела поражение на фронте. Родом она была из Новгорода, и там жили ее мать и отец — юрист профессии. Сейчас Новгород уже был захвачен гитлеровцами, и, по словам девушки, она ничего не знала о судьбе своих родителей. Она даже откровенно сказала, что опасается, не пришлось ли им остаться в оккупированном городе.

Девушка была высокая, стройная и крепкая, с прямым открытым взглядом веселых и дерзких глаз. Она невольно вызывала симпатию и доверие, но внешность внешностью, а биография ее с точки зрения уполномоченного была явно неблагополучной. И Тане Раннефт,

несомненно, пришлось бы плохо, если бы не то, что рассказали о ней бойцы и два раненых командира, вместе с которыми она прошла по вражеским тылам.

Они говорили об этой девушке не просто с симпатией и уважением, но даже с восторгом. По их словам, именно она организовала и возглавила эту группу. Обладая врожденным чувством ориентировки, она уверенно вела бойцов по этим бесконечным и однообразным осенним лесам и болотам. Она была хладнокровным и бесстрашным в опасности бойцом и веселым, неунывающим товарищем во всех трудностях тяжелого многодневного пути. Оба раненых командира в один голос заявили, что они обязаны своей жизнью Тане не только как медсестре, но и как организатору и руководителю их нелегкого похода. Они рассказали, что девушка во всем подавала бойцам личный пример, что она умела поддержать дисциплину, подбодрить тех, кто начинал унывать, и заражала людей своей верой в благополучный исход дела. Самое удивительное было в том, что эта совсем маленькая группа, неся с собой двух раненых командиров, не просто тайком пробиралась к фронту, а шла на восток с боями. Таня твердо сказала всем, что они воины и должны бить врага повсюду и везде, тем более что у некоторых бойцов не было оружия и боеприпасов и их предстояло добывать в бою. По пути они устраивали засады на лесных дорогах, нападали на обозы и мелкие отряды врага, и, когда группа оказалась по эту сторону фронта, у большинства бойцов было трофейное оружие, в том числе и ручной пулемет, а Таня принесла с собой немецкий автомат и пистолет «парабеллум» — ее собственные боевые трофеи.

При всех своих подозрениях уполномоченный особого отдела не мог не считаться с тем, что рассказали о девушке бойцы и раненые командиры. Но принять меры предосторожности он считал себя обязанным. Таня Раннефт мечтала попасть медсестрой в стрелковую роту, а получила назначение в тыл дивизии — в медсанбат. Было приказано: пока что не давать ей оружия и внимательно проследить за ее поведением.

Таня легко сходилась с людьми и за короткое время там, в медсанбате, приобрела много новых друзей. Особенно близко она подружилась с политруком роты, своей землячкой, бывшей новгородской учительницей

Сашей Анисимовой. Она не умела и не любила ничего скрывать, и ее новая подруга вскоре узнала всю историю Таниной жизни, еще совсем короткой, но уже богатой как радостями, так и горем.

*

Отец Тани, Илья Тимофеевич Раннефт, до революции и в первые годы Советской власти был судьей, а потом адвокатом в Новгороде. Фамилия, которая показалась уполномоченному особого отдела немецкой, досталась ему от какого-то отдаленного предка-шотландца, поступившего на русскую службу. Мать, Ольга Николаевна Грешищева, коренная новгородка, работала бухгалтером. Таня была единственной их дочерью.

Девочка с двумя густыми и длинными, ниже пояса, косами, выросшая на зеленой тихой улице города, никогда не задумывалась над своей иностранной фамилией. Она была русской и по происхождению, и по воспитанию, и по месту, где она жила. Она выросла среди этой старины, с детства слушая рассказы о новгородском вече, когда-то бурно кипевшем на кремлевских площадях, об удалом Василии Буслаеве, о веселом и богатом госте Садко. И характер у этой девочки был тоже новгородским — каким-то рисковым, смелым, озорным, словно только по ошибке родилась она женщиной.

Она любила играть не в куклы, а в войну, вооружившись щитом и деревянной саблей. Рослая и сильная, она не боялась окрестных мальчишек и часто, бывало, провожала из школы домой своих более робких подруг. И дружила она большей частью с мальчишками. С ними она проводила долгие часы на берегу Волхова, легко переплывая широкую реку, каталась на лодке по Ильменю или отправлялась в далекие прогулки в окрестные леса за грибами и ягодами и там удивляла товарищей своей способностью ориентироваться в самых густых лесных чащах, безошибочно находя дорогу.

А потом пришла юность и принесла с собой новых друзей — книги, с которыми можно было проводить бесконечные часы, причудливо смешивая открывающуюся в них чужую увлекательную жизнь и свои мечты о будущем. Пришла любовь к поэзии, и Таня сама

стала писать стихи. В эти годы окончательно сформировался характер девушки — решительный и дерзкий, безудержно прямой и неподкупно честный.

Ты живешь, молодой товарищ, в годы, когда человек вырвался в космос, протянул руку к Луне, послал свои корабли за пределы земного притяжения. Героем твоей юности стал космонавт. Мы, молодежь тридцатых годов, только мечтали обо всем этом как о чем-то далеком, чего нам, наверное, при жизни не придется увидеть. Но в то время мы уже оторвались от земли и усиленно осваивали наше небо, изредка посылая первых разведчиков в его глубины. Нашиими героями были тогда летчик и стратонавт. Цветами и восторженными криками встречали мы на улицах Москвы пилотов, перебросивших на полюс папанинцев, экипажи Чкаловца и Громова, перелетевшие без посадки в Америку. Мы мысленно снимали шапку над неведомой ледяной могилой Леваневского, не вернувшегося из трансарктического полета. Мы, склонив головы, стояли над прахом Федосеенко, Васенко и Усыскина — экипажа погибшего стратостата, который потерпел единственную катастрофу где-то там, в высоком сине-фиолетовом небе нынешних реактивных лайнеров. В те годы молодежь осаждала аэроклубы. На воздушный праздник в Тушино было трудно достать билет. И каждый третий или второй школьник мечтал стать обязательно летчиком.

Таня Раннефт была верной дочерью своего века и своей страны. Конечно, ее любимыми героинями стали Валентина Гризодубова, Марина Раскова и Полина Осипенко — «королевы воздуха» тех времен, и, конечно, она со своей привычной решительностью заявила, что будет только летчиком. Но когда она окончила школу и пришла к врачам, чтобы получить направление в аэроклуб, оказалось, что дорога в небо для нее закрыта. Небольшая близорукость, почти не мешавшая ей на земле, была уже непреодолимым препятствием в воздухе.

Это было в 1936 году. Как ни жалко было расставаться с мечтой о воздухе, но на земле тоже ждало много интересных дел. По всей стране строили новые заводы, варили в мартенах танковую сталь, проектировали небывалые турбины, создавали хитроумные станки, делали тракторы и комбайны, самолеты и автомобили, электровозы и корабли. Таня решила стать тех-

пологом и поступила в Ленинградский политехнический институт.

Когда вам семнадцать лет, смешная формула Козьмы Пруткова «нельзя объять необъятное» еще не открывает перед вами серьезного смысла, таящегося в этих словах. Избыток сил и разнообразие открывающихся возможностей предлагают десятки заманчивых вариантов вашего будущего.

Профессия технолога казалась важной, нужной и солидной. Но тянуло к себе и много другое. Таня всегда любила историю, увлекалась литературой, интересовалась наукой о живой природе. И она стала в свободное время посещать лекции в Ленинградском университете. Уже вскоре она поняла, что увлечение техникой было у нее скорее данью моде, чем внутренней потребностью. Осознав это, она со всей решительностью своего характера поправила себя. Осенью 1937 года она была уже студенткой первого курса биологического факультета университета.

Теперь все вошло в колею. Гораздо интереснее стало учиться, появилось много новых товарищей и подруг, а в свободное время, как и раньше, можно было наслаждаться Ленинградом, с его музеями, садами, театрами, улицами, знакомыми по книгам так хорошо, словно это были улицы ее родного Новгорода.

Ленинград дал новый толчок ее увлечению поэзией. Почтами, когда соседки по комнате университетского общежития ложились спать, она доставала тетрадь и писала стихи, полные той томительной грусти, которую так любит веселая молодежь. Говорят, у Тани было настоящее поэтическое дарование, но тетрадь эта пропала вместе со всеми ее вещами во время войны. Во всяком случае, ее стихи с удовольствием печатали и университетская многотиражка, и газета дивизии, в которой она потом служила на фронте.

Ее любимым местом в Ленинграде был Летний сад. Бывало, поздно вечером, возвращаясь после занятий в общежитие на Васильевский остров, она заходила туда побродить по аллеям, посидеть на скамейке или постоять около статуй.

Она не только смотрела, она слушала эти статуи. Пустотелые внутри, они под ветром начинали чуть слышно звучать, словно напевали какую-то свою песенку. Каждая пела по-своему, непохоже на других. Един-

ственное сохранившееся, но, говорят, далеко не лучшее стихотворение Тани и посвящено этим статуям:

Ночь над городом стояла,
Теплая и лунная.
Тихо песню напевала
Статуя чугунная.

Наклонилась над фонтаном
И смочила волосы,
И качалась стройным станом
В тakt напевам голоса.

И на матовые руки,
Темные и гладкие,
Ночь мерцанье проливала,
Странное и сладкое.

Ночь над городом стояла,
Теплая и лунная.
Тихо песню напевала
Статуя чугунная.

Все, что было вокруг, казалось надежным, спокойным, устойчивым. Все, что лежало впереди, представлялось светлым и ясным, рисовалось в самых радужных красках, которыми самоуверенная, полная сил и надежд молодость всегда раскрашивает свое будущее. А между тем судьба Тани уже готовила ей первое тяжелое испытание, и, чтобы пройти его, девушке должен был понадобиться весь ее запас оптимизма, мужества и веры в людей.

Еще в первый год учебы в Политехническом институте она встретилась с человеком, который тогда показался ей ее будущей судьбой. Мы не знаем сейчас о нем ничего, кроме имени. Его звали Сергеем. Сначала они часто встречались, проводили время вместе, но потом, присмотревшись к этому человеку, узнав его поближе, Таня поняла, что он не тот, за кого она его принимала. Возможно, даже в ее решении перейти в университет сыграло какую-то роль и это разочарование. Во всяком случае, встречаться с Сергеем она перестала. Но он начал преследовать ее, приходил в общежитие на Васильевский остров, с раздражением замечая все возраставшую холодность и неприязнь девушки. Однажды он грубо пристал к ней, и Таня в присутствии друзей дала ему пощечину и сказала, что больше не желает его видеть. Он ушел в ярости.

Кто знает, быть может, этот человек полюбил ее, но любовью нельзя оправдать подлость, как ни один судья не оправдает ревнивого убийцу. Сергей написал донос в ленинградские органы госбезопасности. Он заявил, что Таня в разговоре с ним критически отзывалась о Сталине. Он приложил письмо, якобы полученное от нее, где было несколько таких критических фраз. Донос был клеветой, письмо — подложным. Но осенью 1938 года Таня Раннефт была арестована.

Впервые за свою еще недолгую, но всегда открытую и ясную жизнь она столкнулась с вопиющей несправедливостью, с чудовищной ложью, с явной клеветой. И она чувствовала себя бессильной перед ними. Человек, который когда-то нравился ей, оказался негодяем; любимая подруга, честное свидетельство которой могло способствовать ее оправданию, испугавшись следователя, сказала трусливо «может быть» и «не знаю». Девушке было о чем задуматься в тюремной камере, но характер ее остался несломленным.

Таня надеялась, что на суде Сергей откажется от своего заявления, что в ее присутствии совесть заговорит в нем. Но он повторил свою клевету ей в лицо. Тогда она не выдержала и, схватив чернильницу с судейского стола, запустила в него. Этот поступок тоже не послужил ей на пользу. Приговор суда был: пять лет заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Зиму 1939 года Таня провела в таежном лагере на Дальнем Востоке. Между тем ее отец Илья Тимофеевич Раннефт усиленно хлопотал о пересмотре дела в Верховном суде СССР. В письмах он обнадеживал дочь, но получилось так, что, не дождавшись результатов его ходатайства, Таня решилась на отчаянный поступок. Весной, сговорившись с одним из товарищей по заключению, она совершила побег.

Кругом лежала тайга, хмурая и бескрайняя, но беглецы надеялись добраться до ближайшего города, оттуда по железной дороге приехать в Москву, а там явиться в Верховный суд и, повинившись в побеге, просить защиты и пересмотра своего дела.

Им удалось уйти от охраны. Девять дней они преблуждали по тайге, пробираясь сквозь чащи и буреломы, изнемогая в борьбе с голодом. Все было гораздо труднее, чем они предполагали. Танин товарищ оказался слабее ее и выбился из сил — жизнь человека бы-

ла под угрозой. Тогда Таня оставила его в приметном месте и пошла назад, в лагерь. Она не только отыскала дорогу туда, но и возвратилась потом вместе с посланными на помощь людьми. Беглецов вернули в лагерь, но жизнь товарища была спасена.

И тут оказалось, что, пока Таня блуждала по тайге, пришло постановление Верховного суда СССР о ее освобождении. Хлопоты отца увенчались успехом, дело пересмотрели, и несправедливое обвинение было снято с нее.

Она была освобождена. Правда, скитания по тайге и голод оставили свой след — Таня заболела цингой, и на ногах у нее открылись язвы. Но лечь в больницу она отказалась — не терпелось скорее попасть домой.

В Хабаровске на почте уже лежал денежный перевод от родителей. Поезда шли переполненные, на вокзале кассы осаждались толпами народа, и ей пришлось пробыть на станции несколько дней, чтобы достать билет. А когда, наконец, билет был у нее в руках, выяснилось, что деньги все до копейки истрачены. Поезда тогда ходили медленно, и ее ждал почти двухнедельный путь.

Еще не представляя себе, как она доедет без денег и без еды, Таня все же села в вагон. Оставалось надеяться только на свою выносливость. Она улеглась на жесткой полке, подложив под голову мешочек со своим немудреным багажом, то читая книгу, купленную в Хабаровске, то стараясь дремать.

Ее соседом по купе оказался уже немолодой командир Красной Армии, ехавший не то в отпуск, не то к новому месту службы. С добродушным любопытством он поглядывал на эту девушку в потертом ватнике, в простой юбочке и с забинтованными ногами. Потом он открыл свой чемодан, выложил на стол всякую снедь и принял с аппетитом есть. Таня, уже изрядно проголодавшаяся, отвернулась к стене, чтобы не смотреть на еду, и сделала вид, что спит. Обстоятельно закусив и выпив чаю, командир сложил продукты в чемодан и с наслаждением затянулся папиросой. Таня снова взялась за оставленную книжку.

— А ты что, девушка, не закусишь? — спросил сосед.

— Мне не хочется, — чуть покраснев, ответила она.

— Ну, не хочется так не хочется, — безразлично согласился командир.

Вечером после ужина он задал ей тот же вопрос и получил такой же ответ. На этот раз он промолчал и только внимательно посмотрел на нее. Но когда утром на другой день после завтрака повторилось та же сцена, сосед понял, что тут что-то неладно.

— Вот что, девушка, ты мне байки не сочиняй, — сказал он. — Выкладывай, в чем дело? Денег, что ли, нет?

И Тане пришлось рассказать ему свою историю. Командир слушал ее, не сводя взгляда с лица девушки. Когда она кончила, он задумался, глядя на нее так же испытующе.

— Конечно, может, ты и врешь, — с грубоватой прямотой сказал он. — Но ежели врешь, то интересно. Однако не евши человек ехать не может. Это уж факт несомненный. Так что на первый случай закуси коечего из моего припасу, а на другой случай...

Он вытащил из кармана туго набитый бумажник и, отсчитав полтораста рублей, протянул их Тане.

— Не соврала, стало быть, отдашь, соврала — не обедняю.

Глубоко тронутая его участием, Таня тут же записала адрес своего нового знакомого. Нечего и говорить, что деньги были вскоре возвращены по этому адресу с самой горячей благодарностью. А для Тани эта встреча с военным была как бы первой приветливой улыбкой вновь обретенной свободы.

В мае 1940 года она приехала в Новгород. Мать при виде ее горестно всплеснула руками. Худая, с землистым лицом, с открытыми ранами на ногах, она совсем не походила на прежнюю румяную, здоровую Таню. Но, как всегда, весело и открыто смотрели ее глаза, и характер остался прежним — она была такой же решительной, порывистой и быстрой.

Она разрешила себе отдохнуть и полечиться всего несколько дней и, несмотря на уговоры родителей, уехала в Ленинград восстанавливаться в университете. Это удалось легко сделать, и она даже договорилась с руководством факультета, что, позанимавшись летом, наверстает хотя бы один год из двух, украшенных у нее чужой подлостью.

Летние каникулы она провела дома в Новгороде.

Надо было усиленно заниматься, но все же румянец вскоре вернулся к ней, зажили раны на ногах, и она стала почти такой же, как и раньше. Ей удалось за лето сделать многое, и с 1 сентября она начала занятия на III курсе.

Об этом последнем, предвоенном, периоде жизни Тани в Ленинграде мы знаем очень мало. Ей пришлось напряженно работать — двухлетний пропуск занятий сказался на учебе. Ее восстановили в комсомоле, и она получила новый билет. Одновременно с лекциями она стала посещать курсы медсестер при университете и вскоре окончила их. Первомайские праздники 1941 года она провела дома, в Новгороде, а потом уехала сдавать экзамены.

Больше родители ее не видели. Полтора месяца спустя началась война, и Тане даже не удалось до конца сдать экзамены. В Ленинграде стали формировать дивизии народного ополчения, и она вступила в одну из них добровольцем.

Мы даже не знаем, в какой дивизии она начала свой боевой путь. Но уже в августе Таня была на фронте в должности военфельдшера в стрелковом полку. Потом дивизия попала в окружение, была разбита, и Таня возглавила группу бойцов и раненых командиров, которая, как я уже рассказывал, в начале сентября перешла фронт на Ораниенбаумском плацдарме. В пути по приказу раненого командира они зарыли все свои документы в землю, и Тане было особенно обидно расставаться с новеньkim комсомольским билетом. Только справку Верховного суда командир посоветовал оставить: он сказал, что если придется идти в разведку в окрестные деревни — а это лучше всего будет сделать Тане как женщине, — тогда такая справка при встрече с немцами может спасти ей жизнь.

Теперь надо было заново вступать в комсомол.

Поработав два или три месяца в медсанбате 281-й дивизии, Таня подала заявление. Но комсомольское бюро не приняло ее. Этот отказ был для нее ударом. Но она мужественно перенесла его и только сказала подругам, что все равно докажет свое право быть членом комсомола. Тут же она обратилась с рапортом к командиру медсанбата, прося направить ее на передовую в стрелковый полк.

В первое время Таню больше всего беспокоила судь-

ба родителей. Она с ужасом думала о том, что они могли остаться в оккупированном немцами Новгороде, и писала письмо за письмом своим родным и знакомым с запросами о судьбе отца и матери.

Наконец пришло долгожданное и радостное известие. Оказалось, что мать и отец успели вовремя уехать из Новгорода и теперь находились в безопасности в далеком селе Салобеляк Кировской области. Связь с семьей была восстановлена. Конечно, Таня не писала домой ни о тяжелых испытаниях, которые ей пришлось пройти, ни о своих нынешних горестях. И не только потому, что берегла покой родителей. Она была из тех сильных характеров, которые привыкли нести сами все бремя своих невзгод, не перекладывая даже малой части его на плечи других.

Сохранившиеся у Таниной матери уже пожелтевшие листки, исписанные четким, ясным, словно неженским почерком, — это типичные письма с фронта тех дней. Лаконично написанные, они вкратце касаются каких-то семейных дел, порой мимоходом запечатлевают крупицы фронтового быта. Два чувства — любовь и ненависть — в своем, так сказать, химически чистом и концентрированном виде пронизывают всегда эти письма. В одинаковой степени, хотя и в разных словах и фразах, эти чувства выражали тогда в письмах домой и колхозник из глухого сибирского села, и ученый, ушедший с народным ополчением защищать Москву.

Я приведу несколько отрывков из тогдаших нечастых писем Тани Райнфельт к матери и отцу.

«Наверно, вы беспокоитесь обо мне, — пишет она 16 июля 1941 года из Ленинграда перед самой отправкой на фронт, не зная еще, где находятся родители и дойдет ли до них письмо. — Не стоит, не волнуйтесь, не грустите! Я жива, здорова, сыта и ни в чем не нуждаюсь. Не волнуйтесь, если от меня долго не будет писем. Это будет значить, что я не имею возможности писать — вот и все. От вас я давно ничего не получала. Что вы делаете? Здоровы ли вы? Увы, я не знаю, какой адрес дать вам для ответа. Скоро, может быть, дам, а сейчас нет.

Думаю о вас часто и грущу, что вас оставляю надолго. Нас много, и подлые насильники будут прогнаны с нашей земли. Я иду для того, чтобы гитлеровские сапоги не ступали на нашу землю, чтобы вы были спокойны

за свою жизнь. Целую вас крепко, крепко. Благословите меня, пожелайте победы всем нам, нашей славной Красной Армии, нашему народу. Таня».

«Я жива и здорова, работаю медсестрой в действующей армии, — пишет она где-то в ноябре, уже после того, как узнала местопребывание родителей. — За эти четыре месяца я много чего передела и многому научилась. Я все думаю о близкой нашей победе, о встрече с вами. Не горюйте обо мне, я счастлива, что делаю, что могу, для Родины. Как я боялась за вас, не получая от вас известий три месяца! Через месяц я пришлю вам деньги. Меня аттестовали, наконец, на медсестру. Мне они не нужны, так как меня одевают и кормят».

«Я мечтаю видеть вас после войны живыми и здоровыми, как можно более бодрыми и веселыми, — говорит-ся в третьем письме, написанном уже зимой. — Мне многое хочется рассказать вам о фронте. Это такая жестокая и святая война, какой еще не знала история. Наши бойцы и командиры проявляют такое мужество, так упорно идут вперед, пренебрегая опасностью, что верится — скоро конец войне. Тяжелая работа — уход за ранеными. Трудно оказывать им помощь в зимних условиях. Я с удовольствием пошла бы драться на передовую особенно сейчас, когда проклятую немчуру теснят и бьют в хвост и в гриву, но долг мой, присяга обязывает меня оставаться здесь. Я просилась на передовую — непускают. И вот я уже четыре месяца медик. Сейчас я занимаю должность младшей хирургической сестры. Живем мы в лесу, работаем в палатке, слышим уханье снарядов и кваканье мин. А у нас светло, горит электричество, тепло — топится чугунка. Под одеялами лежат наши раненые, кушают досыта, поправляются. Операционная наша не уступит любой больничной, хотя она и в палатке: все бело, блестит. Наш главный хирург, доктор Цыпин, делает сложные полостные операции с успехом. Как хочется работать еще и еще! Ведь это тоже удар в спину убегающего трусивого врага.

Милые, верьте, как и я, что скоро война окончится нашей победой. Малая Вишера уже освобождена. Скоро и Новгород будет нашим. Я позабочусь о том, чтобы после войны восстановить старое гнездо. Так много хорошего впереди — университет, медицинская академия, — я не отказалась от своих планов на будущее. Только будет сейчас об этом — впереди еще много рабо-

ты, борьбы, много еще крови будет пролито, но впереди все-таки победа и счастье».

Мне кажется, эти письма очень типичны для того времени. Они хорошо передают какие-то стороны нашей жизни в те годы. Ведь все ее содержание было заполнено только одним — войной.

Каждый из двухсот миллионов людей, где бы он ни находился, на фронте или в трудовом тылу, на оккупированной территории или в гитлеровском плена, в партизанах или в подполье, отдавал войне всю силу своих рук, всю работу своих мыслей, всю полноту чувств. В Кремле и в Генеральном штабе люди склонялись над военными картами, над графиками выпуска снарядов и танковой брони. А в яслях и детских садах ребятишки вместо домиков и елочек рисовали цветными карандашами горящие немецкие самолеты и красно-звездные танки, изрыгающие огонь. В тыловых городах женщины, возвращаясь домой после трудного рабочего дня, ждали прихода почтальона с замиранием сердца, в нетерпении и страхе, не зная, принесет ли он на этот раз сложенный треугольником листок, исписанный знакомым почерком, или конверт с казенной бумагой, начинаяющейся словами: «Ваш муж (или сын), верный воинской присяге...»

Война, как это сейчас ни странно звучит, была тогда смыслом и целью нашей жизни. А смысл самой этой войны был зловеще прост. Она была не спором о территориях или о сферах влияния, а вопросом жизни и смерти для нашего народа, государства и для всего человечества вообще. Был только один путь решения той страшной задачи, которую поставила история перед нашим поколением, — победить во что бы то ни стало. Иначе — организованное с немецкой доносностью уничтожение десятков миллионов наших лучших людей, превращение остального народа в человеческий скот, в покорное быдло и, быть может, на века господство на земле принципа грубой силы, кулака и пули, дубинки и пистолета.

И хотя второеказалось до нелепости невероятным, но ведь в истории были подобные парадоксы: и гунны, растоптившие римскую цивилизацию, и походы Тамерлана, и у нас, в России, трехсотлетнее татаро-монгольское иго. Как ни глубоко мы верили в нашу победу, все же проклятое «а вдруг...» неотступно шевелилось

в глубине души и, отгоняя мое, возвращалось, как назойливая муха. Вот почему девиз «победить или умереть», который не раз провозглашался и в битвах прошлого, для этой войны был не лозунгом, привнесенным извне, а криком души самого народа, осознавшего всю меру грозящей ему опасности.

Прямой, остро отточенный меч войны в конечном счете беспощадно разрубил все «гордиевы узлы» человеческой психологии. Простой смысл войны рождал простоту мышления. И не принимай это за примитивность, молодой товарищ, это именно простота, свойственная всему истинно великому на земле.

Ты, например, с наслаждением читаешь романы немецких писателей, ездишь с молодежными делегациями в Мюнхен и Гамбург, принимаешь как гостей своих немецких сверстников. А вот для нас в то время все немцы, одетые в мундиры гитлеровской армии, были просто безликими фрицами и гансами. В первые дни войны мы наивно надеялись, что они вспомнят, как были рабочими и крестьянами, прежде чем надели солдатскую шинель, что они сумеют стряхнуть с себя нацистский военный угар и поймут всю неправоту своего дела. А когда мы увидели, что гитлеровская отрава слишком глубоко проникла в мозг и сердце этого народа, мы научились ненавидеть их, всех до одного. Ненавидеть и презирать, ибо мы ощущали свое внутреннее превосходство над ними, хотя бы по одному тому, что они претендовали на какую-то исключительную, особую роль в мире, а мы твердо знали, что нет на земле народов лучше или хуже других.

Ненависть, как и любовь, проста и прямолинейна. И хотя любые формулы от частого употребления стираются, словно старые пятаки, все же гитлеровцы были тогда для нас действительно подлыми убийцами, фашистскими насилиниками, кровавым и ненавистным врагом. И ты, молодой товарищ, не ставь в упрек Тане Раннефт, что она пользуется этими привычными бранными эпитетами, тем более что употребляет она их в 1941 году, когда они только еще входили в оборот и не успели стать привычным стандартом.

Но вернемся к истории Тани. 281-я стрелковая дивизия сначала стояла на Ораниенбаумском «пятачке», а позднее была передвинута в район Синявинских болот. Места были неприятные — на переднем крае солдаты сидели в залитых водой окопах, не просыхая, под мел-

ким и густым осенним дождем, и мины с противным чавканьем плюхались в болотную жижу, обдавая людей фонтанами жидкой грязи. Тане приходилось то работать в передовом хирургическом отряде — в палатках, выдвинутых к самой передовой, то помогать хирургам в операционной медсанбата, то на машинах по трясучим лежневым дорогам, под бомбежками и артобстрелом сопровождать раненых в ближайший эвакогоспиталь. Работала она истово и увлеченно, но мысль о том, чтобы уйти на передний край, не давала ей покоя.

Но по-прежнему рапорты, подаваемые медсанбатовскому начальству, не приносили никакого результата. Тогда Таня нашла иной путь.

Она и здесь, на фронте, не забыла своего любимого занятия — сочинения стихов. Вечерами, когда выдавались свободные часы, она доставала ту же бережно хранимую тетрадь и садилась писать.

Как-то она послала одно стихотворение в дивизионную газету «На разгром врага». Его тотчас же напечатали, а редактор «дивизионки» Николай Клименко обратил внимание на явно способного стихотворца. У Тани завязалась прочная дружба с редакцией, и с тех пор стихи за подписью «Медсестра Т. Раннефт» не раз появлялись на страницах газеты.

Это новое знакомство и помогло ей наконец добиться своего. Через Николая Клименко, минуя своих медсанбатовских командиров, она обратилась с рапортом прямо к начальнику политотдела дивизии старшему батальонному комиссару Бердичевскому. Просьбу девушки поддержали и другие дивизионные политработники, знаяшие ее историю. В конце концов ее упорство побудило, и в феврале 1942 года Таня Раннефт получила назначение санинструктором в 1066-й стрелковый полк.

Она была по-настоящему счастлива снова оказаться на переднем крае, в заснеженных окопах и в дымных землянках пехотинцев, быть вместе с солдатами и держать в руках новенький автомат. Путь к подвигу лежал перед ней открытым. Оставалось только ждать удобного случая. И он не замедлил представиться.

28 февраля 1942 года Таня написала короткое письмо матери. Она не знала, что это письмо будет в ее жизни последним. Вот оно:

«Дорогая мамочка!

Привет тебе с фронта. Адрес мой немного переме-

шился. Теперь он пишется так: полевая почтовая станция № 618, как и раньше, но 1066-й стрелковый полк, санчасть.

Сижу в землянке и при свете коптилки строчу тебе письмо. От тебя я не получала писем уже полмесяца и вообще писем это время не получала. Но носа не вешаю, так как знаю, что это не ваша вина, — просто почта нерегулярно ходит.

Живу я немного иначе, чем полмесяца назад. Работа в стрелковом полку отличается от работы в медсанбате. Но и она мне знакома, так как я уже работала первые два месяца войны в полку.

На сердце весело и спокойно. Проклятых фашистов лупим сейчас и в хвост и в гриву. Я верю, что скоро мы опять заживем мирно.

Пиши мне чаще, давно уже ты молчишь. А я за вас беспокоюсь.

Шлю фото, снялась, когда стояли на отдыхе. Получили ли деньги?

Целую. Всегда твоя Тата».

Больше месяца шло это письмо в далекую кировскую деревню. И когда в конце марта мать и отец Тани прочли его, они не знали, что их дочери уже давно нет в живых.

Это произошло так.

Зима 1941/42 года выдалась необычайно суровая — морозная и многоснежная. А в такую зиму в промороженных, обледеневших окопах переднего края приходится нелегко даже мужчинам-пехотинцам, а уж для девушек — санитарок и медсестер их боевая работа становится особенно трудной. Но в ту памятную зиму ни раскаленные докрасна чугунные печурки в ротных землянках, ни положенные солдату на передовой «боевые сто граммов» не грели наших людей так, как вести с фронтов.

Кончились долгие тягостные месяцы поражений и неудач, и с наступлением зимы последовали наши первые и сильные ответные удары по врагу. На юге был отбит у противника Ростов-на-Дону, гитлеровцы попытались под Тихвином, а потом разгром под Москвой грянул, как первый раскат той смертельной грозы, что вскоре должна была забушевать над головами врагов в полную силу.

Нелегко дались эти первые победы, но они были

оправданием наших долгих ожиданий, нашей веры в будущий исход борьбы, веры, не иссякавшей даже в самые горестные дни недавнего отступления. Они были предвестием нашего окончательного торжества, которое, по святой нашей наивности, казалось тогда совсем близким. Они принесли нам радостное ощущение силы, сознание превосходства над врагом. И те фронты, которые пока еще стояли в обороне, узнавая об этих победах, с нетерпением ждали, когда наконец и для них прозвучит желанная команда «Вперед!». Ждали этой команды и там, под Ленинградом, на Синявинских болотах, еще не разбуженных запоздавшей весной и по-прежнему обледеневших и заметенных снегами. И вместе со всеми своими товарищами и подругами с тем же, а быть может, с еще большим, нетерпением ждала ее Таня Раннефт. И команда вскоре последовала.

8 марта 1942 года 281-я стрелковая дивизия перешла на своем участке в наступление.

Ты слышишь, молодой товарищ, когда это было? 8 марта! Сейчас мы встречаем его за торжественными веселыми столами, это один из любимых и радостных праздников года — Международный день женщин, день наших матерей и сестер, жен и невест, день цветов и подарков. А двадцать пять лет назад Таня Раннефт и ее подруги встречали этот праздник совсем иначе. Вместо того чтобы надеть нарядные платья и сидеть на почетных местах за праздничным столом, они в валенках и солдатских полушибках бежали в цепях атакующих пехотинцев навстречу вражескому огню. Под высыпистом пулеметом, среди воя мин и звонкого уханья снарядных разрывов они ползли по глубокому снегу, покрытому черными, пахнувшими гарью воронками и пятнами крови, перевязывали раненых и так же ползком на волокушах тащили их в тыл. Но хотя кругом были смерть и кровь и тяжело доставался каждый отбитый у врага метр земли, ничто не могло омрачить их радостного, праздничного настроения. Нет, не женский день, а первую победу, долгожданное наступление праздновали они тогда, и дороже букетов и подарков были для них первые вражеские траншеи, захваченные в этом бою пехотинцами.

В тот день 281-я стрелковая дивизия потеснила врага и продвинулась вперед. Наступление продолжалось 9 и 10 марта. Враг сопротивлялся все упорнее, и наши

потери росли. Таня и ее подруги едва успевали подбирать и отправлять в тыл раненых. Но, измученные своей тяжелой боевой работой, они все же были счастливы, как и все бойцы и командиры вокруг них. Ведь они продвигались вперед, хотя и медленно. Им казалось, что вследствие произойдет перелом, что враг дрогнет и побежит, и тогда они пойдут дорогой победы на запад, освобождая деревню за деревней, город за городом. Откуда им было знать, что до этих победных боев здесь, под Ленинградом, пройдут еще два тяжких долгих года?!

С утра 11 марта наступление возобновилось. Но как только рота, в которой была Таня Раннефт, поднялась в атаку, из немецких окопов ударили замаскированный пулемет. Огонь был плотным и метким — Тане тотчас же пришлось перевязать и оттащить в укрытие нескольких раненых. Снова и снова бойцы пробовали подняться, а пулемет укладывал их в снег. Таня слышала, как досадливо ругается, лежа в снегу, командир взвода, лейтенант Шепетов, которому со своими бойцами предстояло брать этот участок немецких окопов. Казалось, начавшаяся атака неминуемо захлебнется.

И тогда Таня поняла, что наступил тот момент, которого она ждала. Она была готова к нему и не стала медлить. Шепетов и бойцы, лежавшие поблизости, увидели, как она, оставив свою санитарную сумку, торопливо прицепила к поясу несколько гранат, сняла с шеи автомат и, бросив короткое «Я пойду», быстро поползла вперед, прежде чем кто-нибудь успел ее остановить.

Я не знаю, сколько было до этого пулемета — 300, 400, 500 последних метров ее пути по этой земле? Я не знаю, что она думала, пока ползла к немецким окопам. Мы, журналисты и литераторы, любим наделять героя, идущего на подвиг, целым роем сложных мыслей и чувств, заставляем его вспоминать по пути всю свою жизнь, всех своих родных, близких и друзей. А ведь, наверно, в такой главный, роковой момент жизни для подобных мыслей и чувств просто нет места, и все силы разума, души и тела, как в фокусе, собраны в стремлении выполнить то, что предстоит. Думаю, так было и с Таней.

Могу с уверенностью сказать одно — она не была смертницей, она шла не на гибель, а на жизнь, на победу. И если ты, молодой товарищ, захочешь разо-

браться в психологии подвига Тани Раннефт, ты легко сможешь это сделать, вспомнив ее биографию, перечитав свои ее письма. Она пошла на этот пулемет ради победы, ради успеха того наступления, которого она столько ждала, ради своих боевых друзей. Но она пошла на этот подвиг также и ради самой себя, во имя того, чтобы доказать свое право на любовь к Родине, право называться комсомолкой.

Снег был глубоким, и лейтенант Шепетов с бойцами вскоре потеряли девушку из виду. Они только слышали, как неумолчно стучит немецкий пулемет, и видели белые фонтанчики снега, поднимаемые пулями. Потом видели, около бруствера немецкого окопа, опавшие в воздухе дугу, дважды мелькнула рука девушки с гранатой, и грохнули два звонких взрыва. Пулемет смолк. Но залегшая в снегу цепочка бойцов некоторое время еще не поднималась, словно не веря наступившей тишине и ожидая, что пулеметчик вот-вот возобновит стрельбу.

Таня, которая притаилась у бруствера немецкого окопа, эти секунды и минуты ожидания должны были казаться бесконечными. Было дорого каждое мгновение — немцы могли заменить убитых пулеметчиков. Лежа в снегу, Таня, наверное, нетерпеливо оглядывалась назад, не понимая, почему задерживается атака. И наконец не вытерпела.

Вскочив на ноги во весь рост, она обернулась туда, к своим, и махнула рукой, зовя их подниматься в атаку. И увидела, что цепь уже встала. Но долетевшее оттуда «ура!» заглушил треск автоматной очереди сзади. Где-то рядом в окопе сидел автоматчик. Он не упустил удобного момента — цель была близкой и легкой.

Таня упала. Когда Шепетов с бойцами подбежали к немецким окопам, девушка лежала ничком, и полуշубок был мокрым от крови. Она была без сознания. Се бережно отнесли в тыл и в полковой санчасти сделали перевязку. Две пули попали в спину. Потом на юнозке Танию доставили в медсанбат, в тот самый, где она еще недавно работала.

Узнав, что привезли тяжело раненную Таню Раннефт, ее подруги — медсестры и санитарки — сбежались к операционной. Вести были неутешительными — дежурный хирург Романов, осмотревший раны девуш-

ки, сказал, что считает операцию почти безнадежной. У Тани был один шанс из ста. Немецкие пули засели в легком. Стоило их извлечь, и началось бы кровотечение, которое вряд ли можно было бы остановить. Романов сказал, что с пулями Таня проживет еще день или два, а операция скорее всего вызовет немедленную смерть.

Ей снова перевязали раны и сделали укол. Вскоре она пришла в себя. Первое, что она спросила, — когда ее будут оперировать? Скрывать от нее было бесполезно — сама медик, она видела слишком много ран, чтобы не понимать всей серьезности своего положения.

Узнав, что от операции отказались, она запротестовала.

— Если есть хоть один шанс из ста, его надо использовать, — убеждала она Романова. — А если мне придется умереть, то какая разница, будет это днем раньше или позже? Я прошу вас, доктор, оперируйте!

Это было логично, и Романов не мог отказать ей.

Подруги готовили Таню к операции. Они знали, что спасти ее может только чудо и что чудес на свете не бывает. Некоторые плакали, не скрываясь, другие с трудом сдерживали слезы, и кто-то, разразившись громкими рыданиями, опрометью выбежал из операционной.

Таня, медленно повернув голову, обвела девушек взглядом и вдруг, улыбнувшись, с укором сказала:

— Ну, что это вы все?! Вот увидите, я еще буду жить... — И, снова став серьезной, добавила: — А если нет, вы же знаете... Для меня счастье умереть за Родину.

И все поняли, о чем она говорила.

Где-то в кармане залитой кровью гимнастерки, которую с нее сняли, лежала справка о реабилитации с печатью Верховного суда СССР. Но эта бумага оказалась недостаточной перед недоверием людей. Теперь у Тани была другая, самая убедительная для всех справка о реабилитации — ее подвиг. Печать на этой справке готовился поставить самый авторитетный и непререкаемый судья в мире — смерть. И наверное, гордое и счастливое ощущение своей обретенной и доказанной перед другими правоты, своего теперь несом-

ничного для всех права на любовь к Родине не могли в тот момент омрачить ни грустная мысль о том, что ее уже не успеют принять в комсомол и выдать новый пилот, которого она столько ждала, ни тоскливое сознание того, что на свете совсем одинокими остаются ее старики родители.

Она умерла на операционном столе. Ее похоронили в одной могиле с двумя другими девушками — Тамарой Власовой и Наташей Бархатовой, погибшими тогда же, в тех же мартовских боях.

*

«Худые вести не лежит ни месте», — говорит русская пословица. Она часто не оправдывалась на войне. Только четыре месяца спустя после гибели девушки в далекое село Салобеляк Кировской области пришла, как говорили тогда, похоронка на Таню Раннефт. Она была стандартной, эта бумажка, как и все такие извещения в то время. Что поделаешь, массовое производство неизбежно ведет к стандарту. А ведь таких извещений были миллионы.

«Ваша дочь, сапиентруктор Раннефт Татьяна Ильинична, — говорилось в похоронке, — в бою за социалистическую Родину, верная воинской присяге, проявив геройство и мужество, была ранена 11 марта и умерла 12 марта 1942 года. Похоронена на высоте 61,6, Мгинского района, Ленинградской области, в лесу, 3 километра северо-восточнее деревни Зенино.

Постоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о назначении пенсии согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР.

Командир медсанбата 318 военврач 3-го ранга Теленков. Военком старший политрук Платонов. Начальник штаба военфельдшер Марков».

Знаешь ли ты, молодой товарищ, что повсюду у нас — един ли не в каждой городской квартире, почти в каждой деревенской избе — до сих пор хранятся такие же, уже пожелтевшие и закапанные слезами памятники, похожие друг на друга, как похожи издали

солдаты в своих шинелях. И подобно тому как на самом деле различны ум, жизнь и сердце людей, одетых в шинели, так и за этими, такими одинаковыми извещениями стоят смерти, непохожие друг на друга — героические и обыденные, оправданные борьбой и нелепые — от какой-нибудь шальной пули, мгновенные и долгие, легкие и мучительные. Задумайся над тем, сколько людских страданий скрыто за миллионами этих бумажек, сколько горя разнесли они по стране. Попробуй представить себе, что пережили двое пожилых людей в далекой кировской деревне, получив известие о гибели единственной дочери, в которой были слиты все их надежды, вся любовь.

Вслед за извещением в адрес родителей Тани пришло теплое, сочувственное письмо начальника политотдела 281-й стрелковой дивизии старшего батальонного комиссара Бердичевского, а потом полное тоски и сердечного участия письмо подруги Тани, бывшего комиссара роты Александры Анисимовой, которая тоже была ранена и находилась в госпитале.

Как ни дорого в горе участие людей, но при такой беде, как смерть близкого, любимого человека, оно лишь немного способно ослабить боль невозвратимой утраты. И только одно в то трудное, тяжелое время помогало людям пережить свои несчастья — сознание всенародности горя, мысль о страшной опасности, нависшей над страной, и о том, что избавление от этой роковой угрозы можно добить только ценой жизни и крови миллионов людей. Слишком много горя было кругом — в каждом доме, в каждой семье, и присущее человеку чувство коллективности поддерживало его, не давало впасть в отчаяние от своей личной беды.

А потом, три года спустя, кончилась война, пришел долгожданный День Победы. Для нас, прошедших войну и доживших до этого дня, он был чистым, радостным праздником. Для тех, кто потерял своих родных и близких, он был и праздником и горестным днем. Вместе с чувствами радости и торжества в душе еще острее поднималась боль невозместимой потери, и рядом со счастливым сознанием победы нашего поистине правого дела вставала мысль о том, что это счастье было бы полным и неомраченным, если бы его мог разделить с тобой человек, которого нет и уже не будет.

Отец и мать Тани Раннефт надолго остались в селе Слободяк. Не хотелось возвращаться назад, в Новгород, в свой разорешный дом, где слишком многое напоминало бы им о Тане. Они работали там, в деревне, до 1966 года, а потом переехали в город Клин Московской области, где жила сестра Ольги Николаевны. Оба были уже в преклонном возрасте, работать им становилось несложно, и, когда в Клину открылся дом престарелых и инвалидов, они обратились с просьбой принять их на государственное обеспечение. Им отвели отдельную комнату, и они жили там своей семьей.

В 1982 году в возрасте 80 лет умер Илья Тимофеевич Раннефт. Мать Тани Ольги Николаевна Грешищева по прежнему живет там же в доме инвалидов. Ей сейчас больше 80 лет, но она сохранила ясный ум и хорошую память. И конечно, главное место в этой памяти занимает образ ее погибшей дочери.

Я побывал в этом доме инвалидов и долго беседовал с Ольгой Николаевной о Тане, смотрел ее письма и фотографии. Я видел и триста других старых и больных женщин, живущих там. Большинство из них те, кто потерял во время войны своих детей. У них блекшие, выплаканные в горе глаза, и глубокая неизбывная тоска смотрит на вас из этих бесцветных глаз. Это не тоска по материальным благам жизни. Нет, эти женщины обеспечены всем — они сытно едят, чисто и опрятно одеты, у них хорошие кровати, уютные комнаты, богатая библиотека, радио и телевизор, тепличный фруктовый сад около дома. Их старость прочно обеспечена государством, и они ни в чем не нуждаются.

Это другая печаль и тоска, и она останется с ними до самого их смертного часа — тоска о детях, которые были и которых нет, и печаль о внуках, которых уже никогда не будет.

Такова, мой молодой товарищ, история жизни и смерти Тани Раннефт. Вероятно, ты хотел бы знать о ней больше и, быть может, посетуешь на меня, что я не описал подробно историю ее пребывания в дивизии народного ополчения, ее поход с товарищами по флоту израга, ее фронтовые будни в медсанбате и в стрелковом полку. Но я рассказал тебе почти все, что мне известно о ней со слов ее матери и фронтовой

подруги. А выдумывать и присочинять какие-либо подробности к этой честной, светлой жизни мне не хотелось. Я надеюсь, что, прочтя этот мой рассказ, откликнутся некоторые бывшие друзья Тани Раннефт по школе, университету, по фронту, ее боевые товарищи, с которыми она совершила тяжелый путь по вражеским тылам в сорок первом, свидетели ее жизни и гибели из 281-й стрелковой дивизии. Тогда я сумею рассказать тебе что-нибудь новое о недолгом и славном пути этой девушки, твоей ровесницы, настоящей комсомолки, хотя и без комсомольского билета.

Дважды она получала этот билет — четырнадцатилетней девочкой в новгородской школе и взрослым, уже немало пережившим человеком, в Ленинградском университете по возвращении из дальневосточного лагеря. Она должна была получить его в третий раз, но не успела.

Что ж, это не поздно исправить и спустя двадцать пять лет. Ведь у мертвых есть одно преимущество перед нами, живыми, — они не стареют. Таня Раннефт павеки останется той же двадцатидвухлетней девушкой, что и в 1942 году. Она не вышла и никогда не выйдет из своего комсомольского возраста, и почему бы не числить ее в комсомоле сейчас, как живую, ибо герои не умирают. Чтобы там, в новгородской школе, где когда-то ее впервые принимали в ряды ВЛКСМ, хранился вечно ее новый, третий билет, которого она не дождалась при жизни и который выписан ей четверть века спустя, как знак того, что Ленинский комсомол чтит и помнит героические дела своих воспитанников. Пусть она павсегда останется членом комсомольской организации этой школы, старшим товарищем пионеров и комсомольцев, воспитывающим их примером своей жизни и смерти.

Я рассказал тебе, молодой товарищ, историю Тани Раннефт не потому, что она показалась мне каким-то особенным, выдающимся человеком. Наоборот, она была самой простой и обычной девушкой того поколения, которое раскрыло удивительные качества своего характера в дни самых зловещих испытаний для Родины. И мне хотелось, чтобы ты на примере этой биографии почувствовал бы всю сложность тех тяжелых, но и славных, светлых, но и суровых лет, которые ты уже не застал и знаешь только понаслышке, чтобы

в жизни, в которую ты вступаешь, взял бы как эстафету самое лучшее из нашего опыта.

Я верю, что ты так и сделаешь.

*

После того как в ноябре 1966 года очерк «Смерть комсомолки» был напечатан на страницах газеты «Комсомольская правда», в редакцию пришло много писем. Кроме читателей, которые делились своими впечатлениями о прочтении, откликнулось и несколько человек, знавших Таню Раннефт в разные периоды ее жизни. Их письма дают какие-то новые штрихи к портрету моей героини или дополняют ее биографию некоторыми подробностями, прежде мне неизвестными.

«Я знала Таню Раннефт только по школе, — пишет из Тулы старший инженер-геолог А. И. Медведева. — Все десять лет мы прошли с ней одной дорогой. Вместе с ней нас принимали в пионеры, в комсомол. Вместе мы были однажды в пионерском лагере и жили на соседних улицах. Потом наши дороги разошлись. Она — в политехнический, я — в горный институт... Мы ждали от Таны Раннефт много. Мы были убеждены, что она — незаурядный человек и что она сделает много хороших дел для людей. Далее о Тане Раннефт я ничего не знала, но светлый образ ее был всегда со мной. И среди своих сотрудников я часто упоминала об этой талантливой девушке. Теперь я рада, что Таня Раннефт будет жить в сердцах грядущих поколений... В формировании характера Тани, безусловно, сыграли главную роль родители, но надо сказать добрые слова и в адрес наших учителей: классного руководителя Валентины Ивановны Беляевой (кажется, ныне живущей в Новгороде), Марии Михайловны Рамбовской, Юлии Александровны Пениной, директора школы Малышева Ивана Николаевича, которые привили нам трудолюбие, честность, скромность, любовь к Родине, воспитывали нас на революционных традициях старшего поколения».

По А. И. Медведева ошибалась. Бывшая классная руководительница Тани Раннефт В. И. Беляева уже пенсионерка, живет в городе Гатчине Ленинградской области. Она также поспешила откликнуться на мой рассказ о ее бывшей ученице.

«Я была в Новгороде учительницей химии и биологии и воспитательницей того класса, в котором училась Таня, — пишет она. — Как горько услышать о тяжелой молодости, выпавшей на долю прекрасной девушки, и как радостно, что все испытания, связанные с ее короткой жизнью, не сломили ее. Память о ней будет жить в веках.

И мне захотелось написать вам о некоторых штрихах, характеризующих Таню.

Вот помню ее пионеркой, вожаком среди ребят, ответственной за порученную работу и требовательной к своим товарищам. Всегда возбужденная, с горящими глазами, выполняла она поручения пионерской, а потом и комсомольской организации, и выполняла не формально, а с большой творческой инициативой. Она много читала и много знала для своего возраста. Ее любили все.

Она не любила неправды и не прощала этого даже своей матери. Помню, было родительское собрание, на которое мы просили прийти родителей и поручили учащимся обеспечить их явку. Таня не только просила мать, Ольгу Николаевну, обязательно быть на собрании, но решила проверить, выполнила ли она данное ей обещание. Таня в назначенный час прибежала в школу, открыла дверь в класс, где проводилось собрание, посмотрела на присутствующих и, не увидя знакомого лица матери, горько заплакала. На вопрос, почему она плачет, сказала: «А ведь она обещала. Почему она обманула?»

Таня любила природу, любила литературу, прекрасно писала сочинения, стихи, очень любила произведения Л. Н. Толстого, Н. А. Островского, она многое знала из этих произведений наизусть и прекрасно декламировала на вечерах самодеятельности в школе.

Очень хорошо помню, как чудесно она читала из «Анны Карениной» сцену встречи Анны с Сережей или выступление на суде Катюши Масловой из романа «Воскресение». Нельзя было слушать без слез, и ребята плакали.

А какие она делала доклады! Вот помню ее доклад о происхождении вселенной. Для этого она использовала материалы не только популярной литературы, но и научные труды, причем умело и самостоятельно справлялась с ними. Была очень активным членом дра-

матического кружка в школе. Помню, как задумала она воспользоваться гастролями Ленинградского областного театра у нас в Новгороде и просила актеров помочь классу поставить спектакль в школе. Актеры выделили одного из своих товарищей в помощь. Это был молодой артист Воинов, который решил поставить с ребятами пьесу «Чудесный сплав». Я, как воспитатель, да и другие мои товарищи учителя думали, что это мероприятие оторвет класс от учебы, да и, чего доброго, девушки влюбятся в артистов. Но наши «педагогические раздумья» были разбиты, и думаю, что Таня Раннефт здесь играла немалую роль. Учеба не была забыта. Спектакль прошел прекрасно. Он закончился веселым вечером с чаепитием, с выступлением артистов и оставил незабываемое впечатление. Несколько раз ставили этот спектакль в различных организациях города Новгорода».

Из Ленинграда откликнулась одна из лучших подруг Тани — Э. Р. Делль.

«Таня Раннефт была моей лучшей школьной подругой с 3-го по 10-й класс школы, — пишет она. — В институтские годы мы виделись часто, хотя и учились первые годы в разных вузах. Я провожала ее на фронт.

Все — и в школе и в семье — ее звали Татой. Это была романтически настроенная, отважная, принципиальная, честная и правдивая, не признающая никаких компромиссов, но несколько неуравновешенная девочка. По своим способностям она могла бы учиться отлично, но из-за характера у нее бывали и двойки. Она всегда обладала завидным здоровьем и мальчишечными замашками. Всю жизнь Тата сетовала на то, что не родилась мальчиком. Даже в младших классах школы я не помню, чтобы она играла в куклы, но в казаки-разбойники и другие игры мальчиков — постоянно. И дружила она в основном с мальчиками, зачастую предводительствуя в их играх. Вся улица звала ее Таткой-солдаткой. Не раз ее били мальчишки, но чаще им доставалось от нее.

Со мною, я думаю, она дружила потому, что всегда любила опекать слабых — я была очень хилой, болезненной девочкой. Помню, у нее был приятель сосед, очень умничекий, но слабенький мальчик, ее всегдаший партнер по шахматам и обсуждению любимых ю приключенческих романов. Тата постоянно защищала

его от других мальчишек. Однажды она поехала с ним за город на лыжах. И на них напали хулиганы. Ее приятель убежал, а она одна приняла бой. Домой Тата пришла вся избитая, и на этом кончилась вся ее дружба с соседским мальчиком. Она органически не терпела трусости.

С раннего детства Тата очень любила читать приключения и путешествия. Со 2—3-го классов школы она уже писала стихи, которые с возрастом становились все более зрелыми. У нее был, безусловно, талант. К сожалению, в блокаду потерялись те несколько стихотворений, которые были у меня. Наиболее зрелые стихи были написаны ею в ссылке; она привезла оттуда заветную тетрадь, но показывать их в то время никому было нельзя. Всю жизнь она любила писать на патриотические, гражданские темы; я не помню в ее стихах лирики. Обладая большой фантазией, она уже в 4-м классе школы писала прекрасные сочинения.

В 9-м классе был такой случай. Прорабатывали «Анну Каренину». Задали несколько тем для домашнего сочинения, но ни одной по образу Анны. Тата заявила преподавателю, что она будет писать только о трагедии Анны, и сколько ни убеждал ее преподаватель, доказывая, что мы, дети, еще не в состоянии понять трагедию взрослой женщины, Тата все-таки написала прекрасное сочинение «Образ Анны». Сочинение читали вслух в классе, но автору поставили двойку за нарушение дисциплины.

Тата была очень здоровой девушкой. Как-то, провалившись в 20-градусный мороз в прорубь на Неве, она даже не получила насморка. Ходила она крупным, мужским шагом, всегда высоко держа голову. Этим она невольно обращала на себя внимание окружающих, особенно мужчин, что всегда ее раздражало. Она болезненно переживала любое насилие над личностью, и ей были в тягость и школьная дисциплина и запреты матери, но, очень любя мать, она, пока была в школе, старалась (не всегда успешно) ее не огорчать. По окончании школы в Ленинграде Тата упивалась свободой. Дело доходило до того, что она не терпела, даже если кто-то платил за нее в трамвае.

Что касается ее желания стать летчицей, то у кого же из молодежи того времени его не было, так же как теперь все хотят летать в космос. В школе был такой

случай. Лучших учеников городской школы премировали полетами над городом на самолете. Девочка-отличница из нашей школы боялась летать, и Тата буквально выпросила у нее школьное удостоверение и летала вместо нее.

В Политехническом институте в Ленинграде ей дали общежитие. В тот период мы виделись сравнительно редко, так как я училась в Ленинградском государственном университете. Как раз тогда Тата познакомилась с Сергеем (к сожалению, я его фамилии не знаю). Этого юношу я видела несколько раз у Таты. Сергей был очень красив, с нежным румянцем, светлыми кудрями и голубыми глазами. Он обращал на себя внимание всех окружающих. Полагаю, что они оба полюбили друг друга, но, видимо, Тата не очень верила ему.

С ней в комнате в общежитии жила девушка, которой очень нравился Сергей. Однажды Тата застала ее с Сергеем, и тогда она заставила его жениться на этой девушке, осветив их отношения на комсомольском собрании. Сергей был комсоргом курса, и ему ничего не оставалось, как жениться. Знаю, что он пытался видеться с Татой и на следующий год, когда она уже училась на биофаке ЛГУ. Не знаю, как она вела себя с ним, но он затаил на нее зло и пригрозил ей отомстить за вынужденную женитьбу. Через некоторое время, в 1938 году, Сергей состряпал подложное письмо, якобы написанное ею (почерк он скопировал с ее писем к нему), на страницах которого были антисоветские высказывания. Это было так несуразно для всех, кто знал Тату: уж в чем, в чем, но не в отсутствии патриотизма можно было ее обвинить.

Когда она вернулась из ссылки, то в Ленинграде остановилась у меня. Прожила десять дней, так как из-за цинготных язв на ногах и руках не хотела ехать в Новгород, чтобы не испугать мать. Выручило крепкое здоровье. В этот короткий срок у нее все зажило, осталась на месте язв лишь большие темно-синие пятна. Вскоре ее восстановили на биофаке ЛГУ. Она упорно и много занималась.

Ночь с субботы на воскресенье 22 июня 1941 года (это была ночь на Ивана Купала) она в компании студентов провела в Шувалове, где они прыгали через костры. Вблизи был аэродром, к ним подошли служа-

щие аэродрома и попросили потушить костры. В шесть часов утра на трамвайном кольце в Шувалове они узнали о войне.

Тата прямо оттуда с букетом цветов поехала в военкомат и попросилась на фронт. Ей отказали. Вот тут сказался ее упорный и решительный характер. Она не ушла из военкомата, и я с подругой в течение трех суток носила туда еду. Видя упорство девушки, ее взяли сандрожинницей. Еще несколько дней их часть помещалась на Звенигородской улице, где мы ее ежедневно навещали. Оттуда ее отправили на фронт. После этого я один лишь раз видела Тату. Это, кажется, было в августе 1941 года. Она привезла раненых в Ленинград и на один час зашла ко мне домой. После войны я узнала о ее гибели.

Как я, так и все, кто знал эту девушку, были совершенно уверены, что погибла она геройски. Это был человек, который всегда жаждал подвига. Я уверена, не будь войны, Тата все равно совершила бы что-нибудь выдающееся и оставила бы о себе яркие следы».

«Я хорошо знала Таню Раннефт, — пишет мне из города Старая Русса Новгородской области М. А. Дементьева. — Некоторое время (в Ленинградском университете) она была моим очень близким другом. Мы познакомились с ней в июне 1940 года — как раз после возвращения ее из ссылки в университет. Мы вместе с ней проходили практику в Саблине (тогда там был студенческий университетский городок). И вот там-то в одну из светлых летних ночей я узнала историю ее ареста. Она потрясла меня.

Таня была убежденной комсомолкой, и я не видела в ее рассказе и тени обиды — она была лишь потрясена человеческой подлостью (имеется в виду поступок Сергея).

Если бы вы знали ее! Это был обаятельнейший человек! На щеках ее, когда она улыбалась, появлялись чудесные, какие-то трогательные, чуть-чуть лукавые ямочки возле губ... Она была очень умной, развитой, способной. Это был веселый, добрый и верный человек. С ней всегда было легко и как-то уверенно и спокойно.

Только из вашего рассказа я узнала, как Таня умирала. Даже теперь узнать о ее смерти было очень тяжело. Но она умирала именно так, как и должна была умереть Таня Раннефт. Я после войны писала

в Новгород по домашнему адресу Тани, но ответа не было. Справлялась в 1945 году в университете, оттуда тоже не ответили. Но я все-таки надеялась, что Таня жива. Теперь знаю, что ее нет.

Последний раз мы виделись с ней 1—2 июля 1941 года. Она добивалась, чтобы ее взяли в военную часть медицинской сестрой. Таня была очень сильным человеком. История ее очень тяжела и необычайна. Я рассказала ее некоторым своим близким друзьям как пример великой убежденности и большой силы воли».

Москвич В. В. Фомичев, бывший рабочий-модельщик, а теперь пенсионер, сообщил мне, что он знал Татьяну Раннефт в период ее заключения. Мы встречались с ним, и он рассказал, что вместе с Таней Раннефт в 1939 году отбывал заключение в лагере на Дальнем Востоке. В. Фомичев был свидетелем побега Тани, а потом возвращения в лагерь. От него я узнал и имя человека, с которым Таня бежала в тайгу. Это был военный врач, окончивший Военно-медицинскую академию, москвич Николай Успенский, работавший вместе с Таней в лагерном медпункте. Его внезапная болезнь в тайге заставила девушку вернуться назад, чтобы спасти товарища. Дальнейшая судьба Николая Успенского В. Фомичеву неизвестна.

Отклинулись и фронтовые товарищи Тани Раннефт. Очень интересное большое письмо прислал из Ленинграда Н. Д. Клименко, тот самый редактор дивизионной газеты Николай Клименко, который помог Тане перейти из медсанбата в полк. Вот что он пишет:

«Наши полки обороняли рубеж вблизи деревни Порожки на Ораниенбаумском «пятачке». Шел сентябрь 1941 года. Вместе с комиссаром штаба Б. Фроловым мы пришли к бойцам взвода Особого отдела 281-й дивизии, чтобы провести среди них очередную политинформацию о положении на фронте. Дело в том, что на мне, как на секретаре партбюро штаба дивизии, лежала ответственность за проведение политработы в приданых штабу подразделениях. В это время там еще не была учреждена должность политрука.

Бойцы выстроились на прогалине, окруженнной мелколесьем. Все вокруг — и рябые березки, и лапчатые клены, и поредевший кустарник — пламенело в лучах только что поднявшегося солнца. На правом фланге

стоял боец, которого я видел впервые. Стройный, ладно скроенный, в новой, с иголочки, форме, он выгодно отличался от остальных. Поразило лицо: даже тронутое загаром, оно не утратило нежности и удивительной чистоты. Только пристально взглянувшись, я разобрал, что перед нами была девушка, коротко остриженная под мальчишку.

— Кто это у вас появился? — спросил батальонный комиссар Фролов у командира роты.

— Поговорите с ней сами. Ночью появилась и привела с собой несколько человек, — ответил ротный, сразу догадавшийся о том, кто именно заинтересовал комиссара.

Вот так и довелось нам познакомиться с Таней Раннефт, девушкой сложной судьбы, наделенной щедрой душой и страстно, до самозабвения влюбленной в жизнь.

Тогда, в сентябре 1941 года, стало известно, что Татьяна Раннефт попала к нам в 281-ю стрелковую дивизию при следующих обстоятельствах. Дивизия народного ополчения, сформированная в Ленинграде (кажется, в Куйбышевском районе), вступила в бой на участке по соседству с позициями, которые защищали полки нашей дивизии. Это примерно район близ Кингисеппского шоссе, включающий деревни Большие Вруды, Бегунцы, Старая Буря, Гостилицы, Порожки, Ропша... Народные ополченцы понесли очень тяжелые потери. Дивизия, по сути дела, потеряла боеспособность на третьи или четвертые сутки. Вот тогда-то после разгрома и добралась к нам в дивизию Татьяна Раннефт с несколькими бойцами и командиром. Пришел с девушкой красноармеец Борис Кирюшкин, точнее не пришел, а попал к нам, донесенный на руках Таней. Он был ранен. Борис Кирюшкин после выздоровления пробыл некоторое время в комендантском взводе, а оттуда попал к нам: опытные ленинградские полиграфисты, работавшие в нашей дивизионной типографии, научили смышленого парня наборному делу. Именно через Бориса Кирюшкина я поближе познакомился с Татьяной Раннефт. Она зачастila к нам в редакцию, написала несколько стихотворений, помогала вести корректуру, так как русский язык знала пре- восходно.

При каждом посещении она заводила разговор

о том, чтобы ей посодействовали попасть на передовую. Не скрою, особенного стремления в этом я поначалу не проявлял.

— Почему вы так стремитесь на передовую? Ведь работа в дивизионном медсанбате требует от человека мужества и тоже сопряжена с риском, опасностями.

— Хочу искупить свою вину кровью.

Зная существо дела, я пробовал растолковать этой на редкость чистой в своих устремлениях девушке, что никакой такой вины за ней нет и, работая в медсанбате, она приносит большую помощь Родине. Таня была тверда. Мне искренне хотелось помочь ей. Я доложил обо всем начальнику политотдела тов. Бердичевскому — человеку весьма чуткому, комиссару ленинской школы, с которым связывали меня и служебные дела и личная дружба. Он обещал посодействовать Татьяне и сдержал свое слово.

7 марта 1942 года мы готовили специальный номер газеты, посвященный Международному женскому дню. Поздно вечером, откинув край плащ-палатки, в землянку вползла Татьяна. Она сияла и крепко пожимала руку каждому из нас.

— Спасибо! Большое спасибо, что помогли. Завтра иду в батальон. А сейчас могу помочь вам. Прикачивайте, что делать.

Обычно, когда выпадали минуты досуга, Таня брала в руки толстенную, похожую на библию антологию «Поэзия XX века», которую мы возили с собой с первого дня войны. Дело в том, что в нашей редакции почти все работники по натуре были неисправимыми лириками, особенно старый литератор Илья Алексеевич Трифонов (Иволгин) и молоденький, попавший на войну прямо из школы художественного воспитания детей Толя Чепуров, тот самый Анатолий Чепуров, который стал ныне известным поэтом.

Читала Таня вслух и читала прекрасно — заслушавшись! Очень любила она Блока, Брюсова, раннего Тихонова, но, пожалуй, пуще всех поэтов был ей по душе Иван Бунин.

«...Я простая девка на баштане...»

В тот вечер возбужденная Татьяна читала особенно чудесно. Было в ней что-то ребячье, озорное и безмягкое такое,

Вот что удивляло в ней. Несмотря на то, что Тане довелось увидеть в жизни немало такого, что омрачало душу, — столкнуться с подлостью и предательством, с тупым равнодушием, с откровенным хамством, сохранила она прямо-таки детскую непосредственность.

Татьяна перелистала заветную антологию и принялась читать. В сырой низкой землянке стало вдруг как-то светлей, уютней.

...Выйду к морю, брошу перстень в море
И косою черной удавлюсь...

Бунинскую «Песню рыбачки» она могла читать бесконечно, знала ее наизусть, но книгу почему-то не выпускала из рук. И тогда мы решили накануне Международного дня женщин преподнести Татьяне Раннефт скромный и очень дорогой для нее подарок. На титульном листе нашей антологии написали:

«Славной комсомолке, девушке лирической души Татьяне Раннефт в знак уважения и глубокой признательности за большую помощь, которую оказывала она армейской газете «На разгром врага». Будь отважной и честной; наша милая Таня.

Подписали: Николай Клименко, Аркадий Журавлев, Анатолий Чепуров, Илья Иволгин. 7 марта 1942 года. Действующая армия»

8 марта дивизия перешла в наступление, а 11 марта 1942 года Тани Раннефт не стало. Смерть ее потрясла каждого из нас. В своей газете мы поместили корреспонденцию, в которой рассказали об этой мужественной девушке-патриотке. Писал эту корреспонденцию я, но подписал ее псевдонимом — Энкин.

Прошло несколько дней. Как-то вместе с фотокорреспондентом фронтовой газеты «На страже Родины» Николаем Хандошиным возвращался я с передовой в редакцию своей дивизионной газеты. Навстречу нам двигались свежие войска. Им предстояло сменить нашу дивизию и развивать наступление. На перекрестке дорог мы встретились с ответственным секретарем редакции газеты этой дивизии Борисом Чертковым, которого я знал еще по совместной работе в Таганроге в тридцатые годы, а затем по учебе в Ленинградском институте журналистики. Разговорились. Я показал ему последний номер нашей газеты «На разгром врага». И что же? Оказалось, что Борис Чертков был зна-

ком с нашей Таней. Он рассказал следующее. В первые дни войны Черткова мобилизовали для работы в районном военкомате города Ленинграда (кажется, Куйбышевский район). В военкомат приходили десятки и сотни людей самых разных возрастов и профессий, чтобы добровольно записаться в дивизию народного ополчения.

«Приходит юноша, подстрижен «под польку», в пиджаке, как положено. Называет фамилию:

Раннефт.

Спрашиваю имя. Молчит. Я поднимаю голову, внимательно разглядываю стоящего напротив и только тут распознаю, что передо мной вовсе не юноша, а девушка. Стоит и молчит, потупив взор. Потом только доинялся, что уже три дня она приходит в военкомат и три дня ей отказывают. У меня тоже были строгие предписания на сей счет: девушек, особенно студенток, не записывать. Пришлось отказать, хотя упрашивала Раннефт настойчиво и долго.

Было так, что сформированные части прямо отсюда направлялись на фронт. Татьяна Раннефт, видимо, и пристроилась к одной из таких частей вновь сформированной дивизии».

Вот что мне хотелось добавить к рассказу С. Смирнова. Возможно, мои товарищи по дивизии, лучше меня знавшие Таню, тоже откликнутся или уже отклинулись на призыв писателя».

Н. Д. Клименко был прав. Почти одновременно с его письмом я получил письмо и от бывшего начальника политотдела 281-й дивизии, ныне полковника в отставке Л. М. Бердичевского, живущего там же, в Ленинграде.

«Татьяна Раннефт, — пишет он, — была одной из замечательных девушек нашей дивизии, любимицей медсанбата и 1066-го стрелкового полка. Ее знали и бойцы других частей дивизии. Она активно участвовала в дивизионной газете. Написанные ею стихи имели большую популярность среди воинов частей. О совершенном ею подвиге знали бойцы и командиры, но, к великому сожалению, в тот период боев еще очень редко награждали орденами и медалями, хотя героических подвигов было не меньше, чем в последующих наступательных боях при освобождении нашей территории. В том, что Татьяна Раннефт не награждена,

виновато командование дивизии, в том числе и я. То, что не сделано тогда, необходимо исправить теперь. К сожалению, из состава командования дивизии того периода в живых остался только я один. Считаю, что героический подвиг Тани Раннефт — подвиг, достойный награды, и мы, воины — участники этих боев, будем иметь большое моральное удовлетворение, если она будет посмертно награждена. Имя Татьяны Раннефт должно быть занесено в книгу подвигов нашего героического Ленинского комсомола.

Лично я хорошо знал Таню Раннефт. Мое знакомство с ней произошло в то время, когда со стороны отдельных работников особого отдела было проявлено неправильное отношение к ней. Когда мне о ней доложили, я остановил товарищней и сказал им, что самой лучшей проверкой является участие вместе с нами в борьбе с фашизмом.

В то время мы привыкли к смерти, но героическая смерть Тани Раннефт долго и тяжело переживалась нами. И то, что она через 25 лет вновь ожила перед нами, боевыми ее товарищами, — прекрасно.

Мне много раз хотелось описать ее подвиг, совершенный в марте 1942 года, но не хватало умения. К этому подвигу, освещенному в вашем рассказе, следует добавить, что Таня Раннефт хорошо стреляла из винтовки и, находясь в 1066-м стрелковом полку, вместе с другими красноармейцами выходила на передний край на охоту за фашистами. На ее счету было немало истребленных врагов. Вера в нашу победу и ненависть к врагу дали ей силу бороться и совершил подвиг».

Третье письмо оттуда же, из Ленинграда, мне прислал врач М. Г. Певзнер, который служил вместе с Таней в медсанбате 281-й стрелковой дивизии.

«Танечка Раннефт появилась в медсанбате в сентябре 1941 года. Далеко не всему составу работников батальона была известна прошная жизнь Тани (мне она была известна), но весь батальон полюбил эту замечательную девушку. Говорю это не для красного словца. Любовь к Тане многократно возросла, когда стала известна и поэтическая душа этой удивительной девушки. В редкие часы досуга она читала нам свои стихи, часть которых печатала наша дивизионная газета «На разгром врага». Нас часто удивляло, что наряду

с такой женственностью, лирикой, исключительно нежным отношением к раненым бойцам в Тане жило какое-то неукротимое желание быть только в полку, только на передовой линии огня. Во всяком случае, Таня всегда упорно, настойчиво добивалась откомандирования ее в полк — мол, в медсанбате и без нее народа много. Но в этой просьбе ей поначалу было отказано.

«Все остальное вы описали почти правильно. Говорю почти», потому что я помню, что смерть Тани последовала после ранения в живот, а не в грудь. Но эти детали не суть важны. Таня действительно похоронена в районе Зенино в небольшой братской могиле, а вот как выглядит теперь эта могила, мы с вами не знаем. Надеюсь, вы не будете ко мне в претензии, если я осмелюсь дать вам один совет: напишите еще пару десятков строк, адресованных молодежи того района, в котором похоронена Таня Раннефт, чтобы ее могила была приведена в должный порядок, периодически посещалась и содержалась бы в таком виде, который венчал бы подвиг покойной».

И, наконец, последнее письмо, которое прислала мне из Новгорода Н. А. Николаева, ныне ведущий инженер-конструктор на заводе по производству полупроводниковых приборов:

«Я — школьный товарищ Тани, бывшая Нина Федорова, — пишет она. — Впервые я услышала о Тане из нашего выступления по телевидению. При имени Тани Раннефт я так и подскочила на стуле. Ведь это же наша Таня! Когда вы сказали, что ее мать живет в Клину и очень одинока, я начала ей писать, и с тех пор мы регулярно с ней переписываемся.

Я так живо помню Таню, живую, веселую! Даже ее скромное синее платьице, ее шелковистые ровные волосы. Переменки мы часто проводили в школьном зале, и почему-то я помню ее больше именно там или бегающей вместе со всеми, играющей в разные игры, или на сцене за занавесом, где обычно играли мальчишки и шахматы, и Таня вместе с ними. Она была единственной девочкой, игравшей в нашей школе в шахматы. И это нас удивляло. Таня была высокой, полной девочкой с красивыми стройными ногами. Дружила с Володей Ерофеевым, соседом по дому. Ходила с ним в школу за руку, не обращая внимания на насмешки некоторых старших школьников. А вообще-то она была такой

же, как и мы все. В дальнейшем наши пути разошлись: она поступила в университет, а я — в Институт инженеров связи имени Бонч-Бруевича.

Я чувствую себя в неоплатном долгу перед нашими товарищами, перед нашими мальчиками и девочками, не вернувшимися с войны, и считаю своим долгом сделать все, что возможно, для увековечения их памяти. Получив от Ольги Николаевны фото Тани, я заказала портрет. Один портрет помещен на стенде у школы № 4, где училась Таня, и в день празднования столетия нашей школы (в 1964 году) его видели представители всех выпусксов, начиная с 1919 года. Сейчас этот стенд находится в музее школы № 4. И я приложу все усилия, чтобы комсомольцы школы № 4 поместили рядом с портретом Тани и дубликат ее комсомольского билета. Я поддерживаю связь со школой до сих пор. Танина мать училась в этой школе до революции, тогда еще женской гимназии.

Второй портрет Тани находится в уголке пионерского отряда, носящего ее имя, в школе-интернате № 2 нашего города. Ребята присвоили отряду имя Тани Раннефт после вашего выступления по телевидению. Это сейчас лучший класс по успеваемости. Этим летом ребята всем классом были у ее матери в Клину. В этой школе работает преподавателем Софья Ивановна Кириллова, также наша однокашница. От нее ребята узнали обо мне, о том, что я знала Таню и переписываясь с ее матерью, и пришли ко мне и попросили рассказать о Тане. Я ходила к ним и они ко мне не раз. Сейчас это уже пятый класс. Они создали в школе уголок, посвященный Тане. Собирают они все материалы. Недавно о ней писали в нашей местной газете «Новгородский комсомолец».

Как видите, Таня не забыта в ее родном городе Новгороде, а теперь ее знают миллионы юношей и девушек».

К этому письму Н. А. Николаевой остается добавить, что, как сообщили мне из Новгорода, в школьном музее дубликат комсомольского билета Тани Раннефт помещен рядом с ее портретом.